

ЭТЬЕН ЭКЗОЛЬТ

Песни забытых островов

Этьен Экзольт
Песни забытых островов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083928

ISBN 9785449052957

Аннотация

Песни о снегах далеких и о море охмелевшем, о безликой скорбной страсти, о стальных ее оковах, о чудовищах нескромных и тоске неугомонной.

Песни забытых островов

Этьен Экзольт

© Этьен Экзольт, 2018

ISBN 978-5-4490-5295-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

Зачумленными годами греет смерть мечтанья мира,
Нет тоски в монаха келье, нет печали и унынья.
Жадно вьется на страницах букв извилистый розарий,
Звери все во снах желают в сей проникнуть бестиарий.

Десять лет работа длится, не предвидится скончанья,
Слово в слово повторится сочетание страданий.
Обовьются краснословьем мрачной древности сказанья,
Будет всем глупцам грядущим обо тьме напоминанье.

И впивается в бумагу гнев пера неуправимый.
Кашель тело сотрясает, но незыблема решимость.
Пусть дрожат, немеют пальцы и от холода слабеют,
Все, что мудростью сочится передать другим успеют.

А она течет в чернилах благовонным ядом жадным,
Отнимающим у солнца всю его скупую сладость.
И в рисунках междустрочных и в извилистых гравюрах
Сохраняется преданье о чудесных авантюрах.

Мудрецы в темницах гибнут, истекают кровью раны,
Камни древних мавзолеев покрываются бурьяном,
Рыцари вершат насилие над невинной юной девой,
Площадь бьется городская в крике исступленном ведьмы.

За волной не видно моря, берега навек исчезли,
Месяц звезды соблазняет, неудачливый повеса,
Призраки судов почивших пробиваются сквозь пену,
И скрываются в туманах песни как мотив нелепой.

В тусклой бездне сеют искры зачарованные змеи
И медузы проплывают недоверчивою тенью,
Злобный смех звучит дельфина, что детей ко дну уносит,
Призрак между скал блуждает, ищет автора доноса.

Ждут красавицы лесные в свой капкан единорога,
В монастырь уйти мечтает недалекий недотрога,
Моряки в штормах блуждают, принося друг друга в жерт-
ву,
Идол каменный терзает плоть язычников презренных.

Сонм видений безупречных сей скрипторий заполняет
Ветер в окнах скорбно дует, сон злосчастный прогоняет
Нет секретам мирозданья средь мирских сомнений места
Будут все они сокрыты под тоскою палимпсеста.

2.

Над нами метели смеялись ретивые,
Бураны ласкали нас острыми гривами,
Сиянье небес извивалось доверчиво,
Как жизни желание злопеременчиво.

Мы шли сквозь торосы, пургу пробивая
И льды расходились, под солнцем стеная.
Вы были верны мне, сильны и легки
И слушались каждого взмаха руки.

Все было отчаяньем гиблого снега,
Исчезли вопросы, сомненья, ответы.
Унынье за шагом лишь шаг растворяет,
Шипит в полынье темнота неживая.

Потеряны сани под треснувшей льдиной
И с ними все наши припасы погибли,
И ветры кружатся, моля о прощеньи,
В себе неизбежное грея решение.

С ножом поднимаясь, иду я к упряжке,
Я выживу в этом безумьи миражном.
Я день завершу и я буду счастливым,
Я стану великим, коль ночь передвину.

Я каждого вырастил из двадцати,
Мы вместе прошли километры пути,
Я дал имена, я кормил и лечил,
Расчесывал шерсть и командам учил.

Блится в глазах ваших мудростью скорбной
Небесных отчаяний огненный коготь.
Судьба наша всем в этом мире ясна.
Рыдает, согнувшись в затмени, луна

К земле повернем мы, желая весну,
День каждый из вас отнимает одну.
И жесткое мясо застрянет в зубах
И солнце сверкнет на доверчивых льдах

Вернусь я в тот дом, уходили откуда
Мы вместе и будет считаться за чудо,
Что выжил я, злым холодам вперекор,
Скрывая навечно свой мертвый позор.

До смерти до самой, мучительно громкой

Я буду внимать лаю вашему звонкому.
Вы каждую ночь у постели моей
Петь будете песню полярных огней.

Я буду вставать, гладить вас и рыдать,
Словами нежнейшими всех вас ласкать,
А вы, языками шершавыми робко
Мне будете слизывать слезы неловко.

И так до утра буду я вспоминать
И каждого буду по имени звать.
Вас двадцать в снега уходило со мной
И лучше бы я не вернулся домой.

3.

Один на планете, один на Суматре,
Вокруг и извне опоясанный мантрой,
Тебя я искал и чрезмерный покой
Меня вовлекал в увлечение тобой.
Уверенной властью дымились обманы,
Меж бедер твоих мои скрылись садханы,
И только тогда начиналась весна
Когда я к твоим направлялся устам.

4.

Острова исчезают в пугливой сепии,

Небо забывает о градиенте.
Мы с тобою весь мир обмеряли
Каналами и пулеметными лентами.

Из трюма в трюм пробираясь, как крысы,
За собой волокли рюкзаки и ругань,
И красавицы на страницах истерзанных
Улыбались нам из-под коротких юбок.

На прикладе разбитом чужие молитвы,
Все деньги исчезли в гнилых поцелуях.
Семя свое изливая над полем битвы,
Я считаю ангелов на кончике пули.

5.

Ничего уже не снится, не сверкает, не пьянится,
И предательским соблазном не влечет к своим устам.
Нет уж губ, что поцелуем смерть забыть о нас заставят,
Не осталось подозрений, радость что несут сердцам.
О предательства искусстве позабыли, как о чувствах,
Что бессонницу пророчат и дрожащие мечты,
И в неверии ревнивом уж никто не пишет письма,
Чтоб супругов опорочить сладострастной похвальбой.
Стало чистым все и легким, верным и смущенно-скром-
ным,
Позабыло об улыбках, переменчиво кривых,

За которыми скрывались вдохновенные подлоги
И восторженного блефа одурманенная сыпь.

6.

Оскопленная тень, извиваясь, кричит
И растерянный хищник смущенно рычит.
Плоть отчаянной яркостью ищет обман,
Чтоб о смерти забыть, что бредет по следам,
И о камень стучит и звенит на стекле,
И лукавит и грезит и вьется во мгле,
И крылами рассвет прогоняет, смеясь,
И нас нежно ласкает, притворно глумясь.
Между пальцев течет рассудительный гной,
Что иные зовут неотступной судьбой,
На плече расцветает нарыв золотой
И разверстая рана чарует собой.
Словно кровь в тишине полнолуного сна,
Мои мысли текут, соблазняя слова.
Снова вижу я в чуть приоткрытом окне
То, что сквозь лихорадку является мне
На далеком, слепом, каменистом холме,
На кургана согбенной в рыданиях спине,
Посреди тех лесов, изгоняющих сны,
Чьи деревья для виселиц только годны,
Если ж их на корабль для мачты привлечь,
То чудовищ морских восплает вдруг желчь,

Будут к судну тянуться они и шипеть,
И ко дну его бросят и над ним будут петь,
Посреди того леса, где каждой весной
Спорят крыса и муха о жизни гнилой,
Головою поникнув, мужи хоронили
Гроб с девицей, что в жизни над ними царила.
Место им в кабаках, где я часто лежал,
Где мне пьяный матрос пустотой угрожал,
В ловкой драке где зубы я часто терял,
Незнакомцев ласкал, забывал, засыпал.
Но я вижу тоску в их глазах неживых,
На губах, от рождения бледно-немых.
Каждый помнит о деве лишь несколько слов,
Горсть земли первым каждый бросить в яму готов.
Никому не любовница, никому не жена,
Всем желанна и все ж никому не верна,
Волос черный как радость убийцы-слепца,
Грудь невольно взволнует и родного отца
И желанье растраты возбудит у скупца.
Руки силой полны, и укусом маня,
Губы тонкой волной свет приветствуют дня.
Нет на шее витка от веревки тугой,
Вены целы и яд не уродует кровь,
Ни болезни, ни злого убийцы рука
Не коснулись сей девы, но смерть нелегка
Для нее оказалась и множество дней

Неустанно она танцевала пред ней.
И кричала и пела, металась она,
Пробужденья лишенная равно как сна
Сотни лекарей лежа вокруг собрались
Пожимали плечами и злобно клялись,
Что недуга сего не видали досель,
Видно ветер принес его с дальних земель.
И предсмертный портрет был давно уж готов,
И нежнейший составлен о ней некролог,
Только жар не сходил с помутневшего лба,
И стонала, кричала и выла она,
Ни мгновенья не ведая тихого сна.
И собравшись вокруг, горевали мужи,
Не способные с жизнью ее разрешить
Неуверенный спор, полный муки святой,
Где забвенье плетет оскорбительный вой.
Ни один не посмеет жизнь ее прекратить,
Даже жребий не сможет ту волю явить.
Но был куплен одним чернодревный тот гроб,
А другой сплел веревки для нежных оков,
Третий саван соткал, черным шелком скорбя,
Умереть в нем могла бы и дочь короля.
На согбенных плечах ноша их тяжела,
Под дождем ненавистным размокла земля,
Сапоги утопают в благовестной грязи,
Никого в этом мире невозможно спасти.

Лучше на ведьмовском бесприютном холме
Похороненным заживо быть в темноте,
Чем в палате кровавой, задыхаясь, хрипеть,
Излечиться, вернуться на фронт, умереть.

7.

Кролики, птицы, девы-убийцы,
Ловкие, скромные, как ассирийцы,
Как ненадежные бледные тени,
Словно кривые сомкнула колени
Призрачно-юная, нежно-немая,
Дочь искажений, бессмысленно-злая.
Вновь одурманена гневом неслышным
Видит с двухскатной и призрачной крыши:
Змеи-цветы над отчаяньем рыжим,
Белые мамонты в небе Парижа.

8.

Июль ползет сороконожкой липкой,
И манит саранча своей прожорливой улыбкой,
Столпились жабы, онемев, у пересохшей лужи,
Собаки воют на прогорклую луну.

Июль ползет, растерянной змеей меняя даты.
Календарей слезает будничная кожа.
Июнь беспечный слыл неосторожным,

И в подворотне был убит безумным братом.

Субботы плен вопьется меж лопаток.

На пляже будешь ты неловок, бледен, жалок.

Вином себя омыв, слов ищешь совпадение,

И остров нежится в поспешном волн гниении.

А в воскресенье, в тень забравшись пальмы,

Чудесно как к мечтам сойти печальным,

На полуобнаженных дев с усмешкою взирая,

Себя и их с одним восторгом глупым презирая.

9.

Застань меня за делом непристойным,

За созерцаньем древних карт янтарных,

Пожелтевших и мрачных, потрепанно-тусклых,

На которых части света еще не увяли,

Не сжались до точности грубой, достойной

Только жадных лжецов и купцов расторопных,

И воинов небесных, с гордостью разрушающих

Стены городов среди джунглей укромных,

Прекрасных завоевателей, чью жажду наживы

Не смогли трясущиеся отклонить астробии,

И шторма тропические и лихорадки черной нарывы,

И небесные неумолчные хляби

Не сумели заглушить глас мечтаний о золоте.

Застань меня за разглядыванием чудовищ странных,
Тела обвивающих вокруг островов,
Где ныне разбросали пляжные страхи туристы,
Обвини меня в легкомыслии невежественном,
Замахнись хрупким на меня кулаком,
Пощарапай лакированным ногтем,
Угрожая очередной реконкистой,
Обвиняя в непонятной измене,
Упади на колени, закрывая глаза ладонями,
И плачь, сотрясая браслеты запястий,
И кричи, что никого нет в мире меня презренней,
И ты не думала, что я способен на такое.
Вынуди меня обнять тебя и обещать,
Что больше я тех книг никогда не раскрою.

10.

Солнце всходит на небо как мертвый тиран,
Был искусен улыбчивый таксидермист.
Хитроумных министров засохший обман
Часовщик поддержал, заведя механизм.

Поднимает оно раскаленную длань
И приветствует подданных, в страхе немых,
И ликует толпою под ним океан,
И в безумии остров от страсти вопит.

Он кустарников рвет на себе кружева,
Лепестков изувеченный шелк раздирает,
Гроты в скалах зияют созвездием ран,
Проповедуют слизь всех карьеров стигматы.

Иссуши меня, взбей, изнасилуй волной,
Я раздвинув лагуны лежу пред тобой,
И со дна всех колодцев скорей собери
Все последние капли, что они берегли.

Пусть улитки засохнут в спиралях своих,
Навсегда я хочу, чтобы жаб голос стих,
Пусть пустыней сойдут все густые леса
Черви станут молитвой в устах мертвеца.

11.

Поднимись по реке от пугливого моря,
Не жалей ты для топок самородков угля.
Распугай крокодилов и в болотистой пене
Пусть исчезнут они, проклиная тебя.
Приготовь на обед ты блудницу-пиранью,
Обглодай, у сестер всех ее на виду,
Пусть тебя назовут они зверем жестоким,
Будут видеть в придонном полночном бреду.
Проведи пару дней во дворце лихорадки,
За столом у прекрасной и юной хозяйки,

Проберись в ее спальню, обнажи ее плоть,
Из груди ее гной пусть заполнит твой рот.
Если древние храмы тебя привлекли,
То налево ты взор свой тотчас обрати.
Видишь ров и канал, жертв былых черепа
И по крови тоскует вся в кувшинках вода.
Если ищешь ты золото – вправо смотри,
Где разбились другие уже корабли,
И скелеты оскалились в жажде любви,
И мечтах о двух метрах червивой земли.
Ты штурвал поверни и на скалы направь,
Превратится пусть греза в тоскливую явь,
Чтобы тем, кто придет за тобою вослед
Улыбался обвитый питоном скелет.

12.

Я полз под дождем, обнаженно – усталый,
От неба боясь восхищений крылатых,
Все видя вокруг вожделением смрадным,
Лишь похотью влажной всецело объятый.

Скользили гекконы в припадке смешливом,
Луна угрожала беззубым приливом,
Блудила весна в лягушачьих напевах,
И ртутный мой путь бился в горестных петлях.

О где ты, мой милый любовник и мать,
Для всех моих отпрысков, коих зачать,
В тебе я хочу, вождедея тебя,
Как юного плаха влечет короля.

Под этой глумливой хрустальной луной
Меня ты пронзишь своей жгучей стрелой,
Чтоб стал я тобою одним одержим
В сем мире иных не желая мужчин.

Мы в скользких сожмемся с тобою объятьях,
Мой брат многострастный, моя пульмоната,
Друг друга оставим мы хищников скверне,
Потомков в себе унося жесткосердных.

13.

Вцепились в штурвал побелевшие пальцы,
Радист исступленно вращает верньер.
Сигнал мы поймали от гибнущих братьев,
Зажатых во льдах в зачарованный плен.

Они говорят, что из мягкого снега
Поднялись пред ними торосы-гиганты
И в нежных объятьях полярного ветра
Им снятся видения юных савантов.

Они говорят, что снега им поют,
И голос девичий о неге вещает
Тому, кто нагим жар покинет кают,
Кто к полюсу взор свой во тьме обращает.

Они о пустых говорят городах,
О башнях из льдом упрочненного снега,
Где тайны себя предлагают впотьмах,
И все уж известны пустые ответы.

О, братья, мы слышим сквозь шум ледяной
То, что стало общею нашей судьбой.
Изменим мы курс и заклиним штурвал,
Чтоб больше никто тайны те не узнал.

14.

Мне иногда так больно, словно сердце
В аквариум погружено, тех рыбок полный,
Которые со страстью суетливой
Сгрызают с пальцев омертвевшие чешуйки.
Так с сердца моего все прошлые печали,
Потери все и неудавшиеся шутки
Снимают горы, над которыми кружится
Одномоторный хищник, ищущий добычу,
Себя раскрывшую, хвостом помахивая дымным.
Он к ней снижается, друзей своих сзывая,

И вскоре тянется от моря с воем стая,
Над головой моей проносится, снимая
Дань с палм растерянных паденьем насекомым,
Игриво со столов усидчивых сдувая
Слов сигаретных клекот незнакомый,
Чтобы излиться, яростью изнемогая
К дикарке, затаившейся в стволах трухлявых.
Так с сердца моего любовниц прежних тени
Срезают волны, пленницы заката,
Один лишь он их может успокоить,
И только знает он язык их пьяного стаккато.
Бокал вина холодного приливный ветер греет,
Качается над солнечным сплетеньем
За миллионы лет сберегший страсть к убийству
Могучего клык зверя эндрюсарха,
Царапины на бледной коже оставляет,
Мой поединок с хищником обозначая,
Источник радости и страсти к выживанию.
Я от всего устал на свете, кроме гор и моря,
Мне хочется лишь вспоминать, не зная страха,
О всех своих ошибках и провалах,
Их приключениями не хуже прочих почитая
И радуясь, что все случилось то со мною,
Чтоб снова сердце болью облежала
Счастливая тоска по прошлому мгновению.

15.

Дай мне ударить в барабан,
Пусти, пусти, пусти!
Достаточно мне будет одного
Удара по его поблекшей плоти.
Его услышав, демоны тотчас
Сбегутся, чтобы нас с тобой пожрать,
Наш мирный дом снести.
Дай мне ударить в барабан, мне это по нутру.
Один разок всего, один, чтобы призвать орду.
Я первый открывать врата ей города пойду,
Впущу с улыбкой гордой я сих варваров волну.
Пусть изнасилуют они сестру нашу и мать,
Чтоб было братьев нам не счесть,
И было с кем играть.

16.

Над химерной тоской вьется радужный зной,
В саранчовом обряде я плыву сам не свой,
Обнаженного гнева манит липкий искус
И течет из висков опьяняющий муст.

Я себя обману, мой всплывет шпионаж,
Список нор потаенных в волшебном лесу,
Двухголовых акул прибрежный вояж,
Имена иглобрюхих, презревших блесну.

Свой живот я задумчивым вскрою клинком,
На узорных кишках предсказанье спою,
Гибель я предреку прочным всем городам,
Островам всем последнюю вижу волну.

Птиц паденье мою подтвердит правоту,
Извержение вулкана поставит печать,
Никогда в предсказаниях своих я не лгу,
Пусть одно в каждой жизни могу я создать.

17.

Песнь песка на пляже этом
Знают в мире все русалки.
Слабоумный полдень лижет
Кожу опьяненьем сладким.
Замерев цикадным треском,
Мотоцикл гневнойаркий
В тень под пальмою уткнулся,
Подушав от перевалов.
Сталь гневит гнилое солнце
Саблезубыми клыками,
Мир от счастья не проснется
Под змеиными мечтами.
Грудь твоя прикрыта только
Треугольником бикини,

Скрыв межбедерные тайны
Шелка мраком неделимым.
В темноте немой застыли
Все клевреты скорпионы,
От предчувствий горделивых
Скрылись меж камней гекконы.
Волос светлый опорочен
Фиолетовою прядью,
Под зеркальными очками
Гнев сокрылся необъятный.
Пластик бьется на запястье
Тонкой радости браслетом,
С наслажденьем позабыты
Годы радости совместной.
Только ненависть осталась
Между губ, что в бреде пьяном
Извергают неустанно
Непристойной ярость брани.
Но мои слова ты помнишь
О покорности бездумной,
Что в обмен на твое тело
Предложил я неразумно.
Исполненье обещаний
Здесь свершится непременно.
На указанное место я сажусь,
Пустым сим пляжем

В удивлении безмерном.
Ты уходишь, проминая
Голоса песков порочных,
След варана с них стирая
Неумолчным многоточьем.
Неподвижный час условлен
Клятвой нежности гремучей.
Черви черные мгновений
По экрану проползают,
Солнце призраком согбенным
Все мечты испепеляет.
Я сижу в недоуменьи,
Что за празднество святое
Прочь изгнало всех туристов
От веселого прибоя.
Горизонт сочится гневом,
Поднимается устало
Древним горестным напевом,
Жизнерадостным дурманом.
С криком прочь стремятся птицы,
Змеи в спешке уползают.
Обнажая крабов норы
Волны берег отпускают.
И встает судьбой недвижимой,
Весь считая мир изъясном,
Все вокруг считая смрадом,

Молчаливое цунами.
Наготы его безбрежной
Призрак тает в страхе пенном.
У отелей воют скорбно
Близорукие сирены.
Лодки кружатся на гребне,
Ртутью мечутся акулы,
Все становится беспечным
В приближении безумья.
Взгляд к часам мой обратился
Тридцать мне минут осталось
Одержимости расплаты,
Воплощенья смертной клятвы.
Не спастись от океана,
Острова что ненавидит,
Широко глаза открыты,
Все с восторгом принимая.
Даже если бы и знал я
О чудном землетрясенье,
И слышал все пустые
О волне предупрежденья,
То твою исполнил просьбу
Я с восторгом бы не меньшим,
Мне хватило наслаждений
В этом мире безутешном.

18.

Я не верю, что есть города,
Не стоящие на берегу моря.
Что кто-то в здравом рассудке
Там может дом свой построить,
Откуда не виден влажный,
Ребристый горизонта морок.
Должно быть, то все выдумки,
Ошибки картографов пьяных,
Праздные свои фантазии
Желчью изливших на бумагу.
Смеясь, нанесли они невозможные
Для жизни радостной координаты,
Шуткой злой причисляя
Себя к племени иллюзионистов,
Мир от бликов морских,
Желающих навек очистить.
И для этого на фермах своих обширных,
Посреди пустынь молчаливых,
В окружении мертвых койотов,
Выращивают они миражи,
Мускулистые и агрессивные.
Тренируют их, натаскивая
На жертвах низкополигональных,
А затем выпускают в мир
Через спутниковые каналы,

Чтобы глупцы наивные,
Мне в этой ленисти подобные,
Их призраки увидели
На экранах телевизионных,
В новостях и программах общительных,
В фильмах, взрывоопасно-язвительных,
И поверили, противясь рассудку,
Что проспекты с шириной неприступной,
Заполненные стальным безрассудством,
Небоскребы, с которых можно
Рассмотреть создателя татуировки,
Памятники правителям гордым,
Соревнующиеся в голубином покрове,
И прохлада подземки жестокая
Существуют в странах далеких.
И что самолеты, влекомые
Ложью к нам схоластической,
Заполненные автоматами,
В чьих программах содержатся
Все тонкости туристические,
Поднимаются в небо где-то
За тысячи миль многодетных.
Словно блохи с крысиной шкуры
Спрыгивают с континента
Доказательством пеноследным
Желая себя представить,

Тогда как на базах секретных
Одного за другим их готовят,
Наполняют багажом, собирая
Его с безбрежных складов, сличая
С наборами уже имевшимися,
Дабы не выдать свое присутствие
Каким-либо совпадением,
Механических обличье тварей
Случайным меняя порядком,
В различиях и вариациях
Скрывая их истину неприглядную.
И я, улыбаясь бродяге-закату,
Снисходительно, тайнобережно,
На скамейке променада
Сидя дельфиньим вечером,
Наблюдаю за огрехами,
Ошибками в их программах,
Повторяющимися движениями,
Фразами нескладными,
Ничтожным запасом словарным,
Признавая лишь тех сущими,
Кто к моему принадлежит народу,
Родился под песню шторма,
Вскормлен был пеликанами,
Алфавит учил по тайфунам,
С повадками знаком урагана,

Имена облаков поет сладостно,
С осьминогом несет узы братские,
Чувствует в груди волнением
Приближение землетрясения,
И не верит в рассказы нелепые
О забитой людьми подземке.

19.

Пусть предательски тоскуют
В лунном свете орхидеи,
Груди кожаной сбруей
Стянет пытка пусть несмело.

Сталь шипастая проникнет
В обезличенное чрево,
Нежно кляп уткнется в губы
Затвердевшим онемением.

И, небесным паразитом
С неба звезды собирая,
Отблеск свой луна позволит
Боли, что соски сжимает.

Несть страданий, что желаю
Плоти я твоей позволить,
Поселить меж твоих бедер

Стаи хищников покорных.

Пусть они с усердьем липким
Наслажденье собирают
И с кометным хлестким ритмом
Плеть свое вонзает жало.

Пусть ползут по коже перья
Зачарованных павлинов,
Принцев с островов далеких-
Сластолюбцев гемофильных.

В переливах крови липкой,
Средь венозных омовений,
О тебе они мечтают,
Подвывая в желчном тленьи.

Латекс к бедрам льнет несмело,
Воск меж ягодич стекает,
В празднозлом великолепии
Лезвие ночи блистает.

Лишь с восходом солнца ранним
Обретешь освобожденье.
Словно мертвые лианы
Ниспадут с запястий цепи.

И, с улыбкой потирая
След на щиколотке темный,
Спросишь ты, когда я буду
Вновь для игр сих свободным.

20.

Тропический ливень меня прибывает к земле.
Я в городе чуждом блуждаю в жестокой стране.
Одежда промокла насквозь и готова уже раствориться,
Вокруг лишь туземцев довольные пьяные лица.

И карта ничем мне не может в скитаньях помочь.
Все улицы смыл утомленный и радостный дождь.
Отброшен мной прочь тот обмякший никчемный листок
В забитый крысиной усталостью водосток.

Над храмами древними качает поток фонари,
И пальмы склоняются темными листьями до самой земли,
И кошка сидит на столе в опустевшем кафе,
Как капитан на тонущем своем корабле.

И все языки, что известны мне, здесь бесполезны,
Пусть говорит на них три четверти мира.
Кого ни спрошу я, все улыбаются пресно,
Руками разводят, меня увлекают к менгирам.

Навек я потерян в разгульном, неоновом мире,
Средь смеха рептилий, томящих здесь свой карнавал.
Должно быть судьба мне советует гибель
Под ливневым небом, на острове матовых скал.

21.

Коль стало вокруг все как сумрачный сон,
И вызывает лишь горестный стон,
Купи ты билет за две тысячи крон,
Отправься в чудесный ты город Флин-Флон.

Здесь девы дешевые, словно конфеты,
Оставишь ты все здесь дурные приметы,
Забудешь ты всех своих верных друзей,
В ломбард сдашь семейных реликвий музей.

Ты пьяным по пляжам пройдешь королем
И ночь будешь путать с рассыпчатым днем,
Меж девой и мужем различья теряя,
С усмешкой их нежности опустошая.

Когда же настанет пора возвращенья,
Не будешь ты знать ни стыда, ни смущенья.
С собой привезешь ты болезни и язвы
И жизнь станет снова безумно прекрасной.

И примут друзья твои за хвастовство
То, что за морями к тебе снизошло.
И станешь ты как все на свете влюблен
В жестокий и радостный город Флин-Флон.

22.

Как щенки к кормящей суке
Жмутся к берегам тайфуны.
Быкорогое безумье
Без мечты гнилой тоскует.
Смерчи выются в упоеньи,
Неразборчиво колдуют.
Все, что выползло из моря
Ярость их обратно сдует.
Все, что выбралось на скалы
Чтоб стихией любоваться,
Грязных молний пьяным танцем,
Лаем радостным торнадо,
Пусть все силы прилагает,
Чтоб на дно не быть сметенным
Мрачной желчью небосклона,
Песней шквала вероломной.
А с востока – слышишь, слышишь —
Подбираются самумы,
Словно падалыщиков стая

С воем счастливо безумным.
В темноте песчаной бури
Ветер нам дворцы возводит,
Башни пленных поцелуев,
Бастионы откровений,
Крепость страхов неразумных,
Что падет от сновидений.
А над ними, посмотри же
Пьет циклон небес кружение.
Ураган, как пес бойцовый,
Стонет в сладком напряжении.
Заприметив мелководье,
Он скулит, срывая крыши,
Вырывая пальмы с корнем,
Он кружит, кусая солнце,
Краткой битвой недовольный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.